

Владимир Иванов

БЫЛОЕ

СТИХИ

Владимир Владимирович Иванов

Былое. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51416389

Былое. Стихи: Издательский дом «Городец»; Москва; 2020

ISBN 978-5-907085-35-0

Аннотация

Сборник Владимира Иванова «Былое» – это своего рода репортаж из сердца поэта. В четырех разделах книги автор как бы прослеживает, тонко и чутко, вехи собственной жизни, которая стала неотъемлемой частью биографии страны. Для его стихов характерны яркие живописные штрихи, ясность мысли, точность ее словесного эквивалента. С болью и душевной мудростью рассказывает он о войне, о глубинной зрелости любви, выстраданной и непарадной, – любви к родной земле, к ее прошлому, настоящему и будущему, любви к искусству и к людям. Читатели этой книги смогут не только разделить с ним его чувства, но и обретут друга.

Содержание

Владимир Владимирович Иванов	8
...Потом была война	11
«Что такое жизнь? Сначала детство...»	11
«Из каждых ста ровесников моих...»	12
«Душная ночь июльская...»	13
«Ходом сообщения иду...»	14
«Лист багряный падает с осины...»	15
«Ночью вступаем в бой...»	16
«Налет воздушный...»	18
«Он лежал, обняв руками землю...»	19
«На Днепровском плацдарме стоит тишина...»	20
«Восемнадцать лет...»	21
«Сидим в окопе, курим на троих...»	22
«На самой что ни есть передовой...»	23
«Ночью угнетает тишина...»	24
«Перестань куковать, кукушка...»	25
«Плацдарм Днепровский, позади река...»	26
«Полк пополнить за Днепр отвели на два дня...»	27
«В пески и в болота...»	28
«Здесь ветер жгуч...»	29
«Понять хочу, каким был на войне...»	31

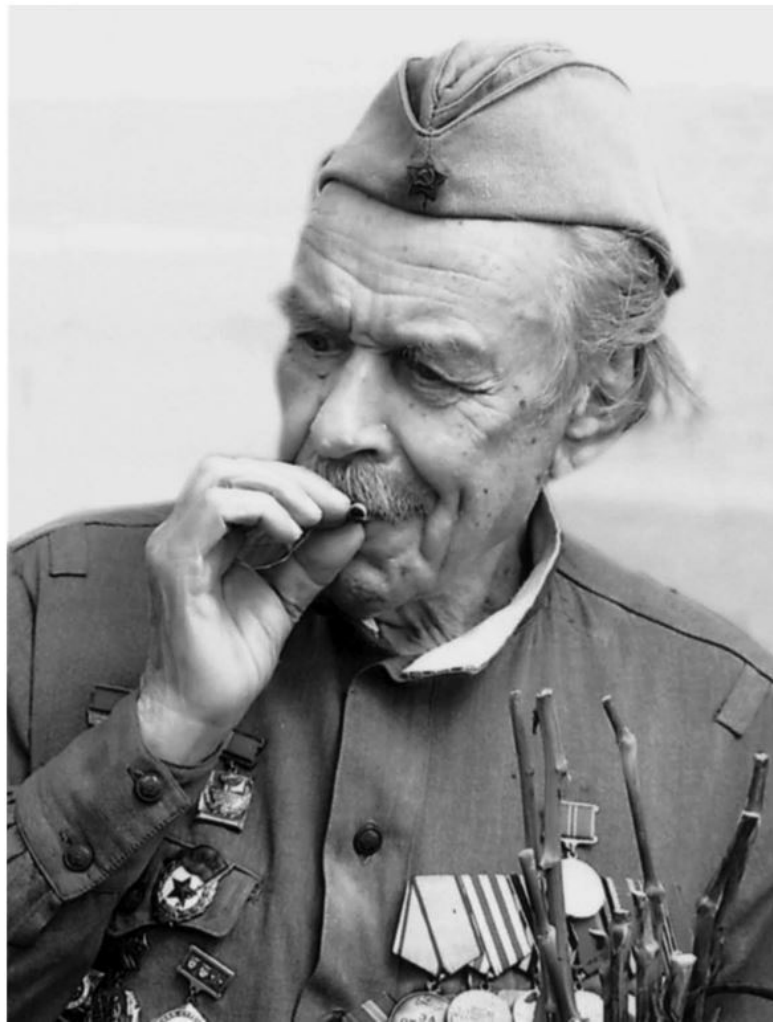
«Бьют минометы, грохочут пушки...»	32
«В бою был ранен молодой солдат...»	33
«Четыре койки в маленькой палате...»	34
«Стояли мы и молчали...»	36
«Горжусь не тем, что воевал...»	37
«У каждого своя война...»	38
«На свете нет лучше солдатской шинели...»	39
«На фронт широка дорога...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Иванов

Былое. Стихи

*Не брал Берлин и не освобождал я Прагу – был
ранен на днепровском берегу —*

*И скромную медаль солдата «За отвагу»
я свято берегу.*

© Иванов В., 2020

© Издательский дом «Городец», 2020

Владимир Владимирович Иванов (1925–2018)

Человек непростой и интересной судьбы, не побоявшийся круто изменить свой жизненный путь!

В. Иванов родился на Арбате в старообрядческой семье. На меценатские пожертвования его деда по отцовской линии, купца 3-й гильдии, была построена церковь, что сейчас стоит у Белорусского вокзала, и колокольня Рогожского храма. В семье было 17 детей, некоторые из них умерли в детстве, а после сталинских репрессий 1937 года осталось только трое, в том числе его отец – Иванов Владимир Павлович. По материнской линии семья происходила из кирпичных заводчиков Ульяновых и служителей церкви, одним из которых был монах-схимник (схима – высшая монашеская ступень).

Когда началась война, В. Иванов, не окончив десятилетку, рыл под Москвой противотанковые рвы и сооружал лесные завалы. Как только ему исполнилось 18 лет, ушел добровольцем на фронт, хотя работал на военном заводе и имел бронь.

Закончив досрочно Тульское пулеметное училище, воевал первым номером пулеметного расчета. При форсировании Днепра, отражая атаки превосходящих сил противника,

уничтожил более 20 немецких захватчиков, за что был награжден медалью «За отвагу». Получил тяжелое ранение на Днепровском плацдарме.

После многомесячных лечений в госпиталях был принят в Горный институт. Поняв и приняв, что после тяжелых ранений геологом ему не быть, поступил в Институт востоковедения, где окончил с отличием турецкое отделение.

Но с появлением Демократической Республики Вьетнам стране нужны были специалисты со знанием языка. И Иванов В.В. в аспирантуре самостоятельно изучает вьетнамский язык и становится одним из ведущих специалистов по Вьетнаму.

Много и плодотворно работал в издательстве «Прогресс», за что был награжден Золотой медалью ВДНХ. Долгие годы преподавал в МГИМО и ВШК (военный институт) вьетнамский язык. Для многих своих студентов был гуру. Они называли его «Учитель» и общались с ним до последних дней, считая его не только преподавателем языка, но и учителем жизни.

В Институте языкознания работал над созданием первого большого Вьетнамско-русского словаря, очень востребованного и ныне. В. Иванов внес весомый вклад в развитие советско-вьетнамской дружбы, за что его во Вьетнаме уважают и чтут как крупнейшего специалиста и хорошего человека.

В. Иванов награжден многочисленными орденами и меда-

лями за свой ратный подвиг и послевоенную работу.

С. Иванов.

Москва, 2019 г.

1) В 1914–1920 годах был построен белокаменный храм Николы Чудотворца у Тверской заставы. Памятник архитектуры. Автор проекта Антон Гуржиенко.

2) Воскресенская храм-колокольня на Рогожском старобрядческом кладбище в Москве была построена в 1911 году в ознаменование свободы вероисповедания на один кирпич выше колокольни Ивана Великого в Кремле.

...Потом была война

*Мы не от старости умрем,
От старых ран умрем...*
Семен Гудзенко

«Что такое жизнь? Сначала детство...»

Что такое жизнь? Сначала детство:
Папа, мама, нянька, брат, сестра.
Беззаботность с детством по соседству
И отрочества неполная пора.
Чертова таблица умноженья.
Пестики, тычинки, H₂O.
Скучные склоненья и спряженья.
Боевой значок БГТО.
Приближалась юность понемногу.
Что же обещала нам она?
Оказалось – дальнюю дорогу.
Сорок первый. Грянула война.

«Из каждых ста ровесников моих...»

Из каждых ста ровесников моих
Домой с войны вернулись только трое.
И долг святой оставшихся в живых
Чтить память тех, кто пал на поле боя.
Кто, не доехав до передовой,
Убит был под бомбежкой в эшелоне,
Кто сгинул там, на стороне чужой,
В Германии, во вражеском полоне.
Я посвящаю этот неумелый стих
Безвестным и прославленным героям.

Из каждых ста ровесников моих
Домой с войны вернулись только трое.

9 мая 1985

«Душная ночь июльская...»

Душная ночь июльская.
Окна зашторены плотно.
Спит училище Тульское,
Тульское пулеметное.

Спят офицеры, солдаты,
Русские и белорусы.
Спят холостые, женатые,
Светлые, темные, русые.

На мостовой караулы
Шаг печатают ровно.
Тьма. Только звезды над Тулой
Вовсе не замаскированы.

Июль 1943

«Ходом сообщения иду...»

Ходом сообщения иду
С порученьем на передовую,
Уплетая прямо на ходу
Пайку хлеба – норму фронтовую.
До чего же вкусен хлеб ржаной!
Было бы, так слопал и буханку.
Не зевай да поспешай, связной!
Ишь как размечтался спозаранку.
А не то подсыплет фриц свинца,
Вот и будешь сыт тогда до гроба...
В роту и обратно – два конца,
И тебе проделать надо оба.

1943

«Лист багряный падает с осины...»

Лист багряный падает с осины.
Дымкой чуть подернут горизонт.
Свист снаряда. Визг осколков мины.
Фронт.
Фронт как фронт. Участок не из главных.
Ни железных, ни других дорог.
Нынче тихо. Лишь в днепровских плавнях
Шелестит осенний ветерок.
Днепр холодный волны катит хмуро
На берег, израненный войной
И оскалом смерти амбразуры
Щерятся над русской рекой.
Берег правый – берег недалекий,
Но к нему дорога не легка:
Ходит смерть за высохшей осокой,
В зарослях высоких лозняка.
Ходит смерть. Но русскому солдату
Смерти не впервой смотреть в глаза...
Днепр шумит волной на перекатах.
Шелестит лоза.

1943

«Ночью вступаем в бой...»

Ночью вступаем в бой.
Роздан НЗ и спирт.
Сегодня – пишу домой,
А завтра – напишут «Убит».
Сырость в землянке, чад,
В печурке трещит огонь,
Тихо дремлет солдат,
Уткнувшись лицом в ладонь.
Снится ему весна,
Яблони розовый цвет,
Снится ему она,
Лучше которой нет.
Но не дают на войне
Долго солдату спать.
Вон за рекой, в стороне
Пушки ворчат опять.
Ближе взрывы. Уже
Снаряды ложатся впритык.
Взрыв. И погас в блиндаже
Спутник войны – ночник.
Нет, не окончил письмо —
Надо идти в дозор...
Вышил пули тесьмой
На небе цветной узор.

«Налет воздушный...»

Налет воздушный,
бомбы свист.
И... взрыв.
Ты был убит,
а я остался жив.
И, очень может быть,
что от огня
Своею смертью
ты прикрыл меня.

1980

«Он лежал, обняв руками землю...»

Он лежал, обняв руками землю,
Ветер его волосы трепал.
Ну, прилег парнишка да и дремлет...
Нет, убит он пулей наповал.
Рядышком солдатская пилотка,
Автомат приткнулся у колен.
А на завтра фронтовая сводка:
«За прошедший день без перемен».

1991

«На Днепровском плацдарме стоит тишина...»

На Днепровском плацдарме стоит тишина.
Давим вшей, амуницию чиним.
Недалече маячит высотка одна —
Бугорок без названья и имени.
А под вечер, когда загорится закат,
Незаметный, осенний, неяркий,
Соберет батальон молодой наш комбат,
Грянет бой быстротечный, но жаркий.
Сидора за плечами, в руках пулемет,
По карманам гранаты-лимонки.
До высотки всего, может, метров пятьсот —
Но смертельной и яростной гонки.
А пока на плацдарме стоит тишина.
Кто кемарит, кто тянет махорку.
Недалече маячит высотка одна —
Так себе, безымянная горка.

1990

«Восемнадцати лет...»

Восемнадцати лет

в 43-м году Побывал я
в кромешном аду. У Чернигова
пеплом покрылась земля, Стали угля черней
над Десной тополя. И вовек не забыть мне,
как в том сентябре Одногодки мои
шли ко дну на Днестре: Перекошен от крика
мальчишеский рот, Всплеск воды...
а живые уходят вперед... А теперь вот,
спустя тридцать пять с лишним лет, Сын солдат
из Чернигова шлет мне привет. Так дорогой отцов
вновь идут сыновья Восемнадцати лет, как когда-
то и я.

1979

«Сидим в окопе, курим на троих...»

Сидим в окопе, курим на троих
Обычную на фронте козью ножку.
Вдруг грохот – и почти затих.
Опять шарахнуло. Видать, и впрямь бомбежка.

Но нет, не верится глазам:
Дождь припустил и молния сверкнула.
Октябрьская поздняя гроза
Нас ненадолго в мирный мир вернула.

2018

«На самой что ни есть передовой...»

На самой что ни есть передовой
Устроился наш пулемет станковый,
И я при нем – обычный рядовой,
Веселый, молодой, здоровый.
Веселый потому, что жив пока,
Еще не ранен, даже не контужен.
А по небу гуляют облака,
И, дай-то бог, сегодня будет ужин.
Но ужину, как видно, не бывать:
Опять обстрел, и снова рвутся мины.
А далеко в Москве стареющая мать
Все молится и молится за сына.

«Ночью угнетает тишина...»

Ночью угнетает тишина.
Я приткнулся к своему «максимуму».
Спать мне хочется невыносимо.
Будь ты трижды проклята, война!

Яркая немецкая ракета
Виснет над нейтральной полосой.
Страшно ночью на передовой.
Я борюсь со сном и жду рассвета.

Лазает немецкая разведка.
Рыщет, добывая «языка».
Слышен шорох – и моя рука
Сразу же ложится на гашетку.

Очередь – и пропадает страх!
Да и сна как будто не бывало.
Новая ракета засверкала.
Я начеку – до самого утра.

«Перестань куковать, кукушка...»

Перестань куковать, кукушка!
Все равно я не верю тебе.
На войне грохотавшие пушки
О моей куковали судьбе.

Долгой жизни они не сулили.
Пулеметчик – увы, не жилец.
Вот напарника рядом убили,
Да и мне предсказали конец.

Отгремели давно уже пушки.
Я живой, благодарен судьбе.
Перестань куковать, кукушка!
Все равно я не верю тебе.

2014

«Плацдарм Днепровский, позади река...»

Плацдарм Днепровский, позади река.
Передний край, и впереди лишь фрицы.
Вздremнул в окопе я, и тишина мне снится.
А ведь и вправду тишина пока.

А завтра с раннего утра
Уж не до сна, какие сновиденья.
Гвардейский полк наш переходит в наступленье
Под грохот пушек и солдатское «ура».

«Полк пополнить за Днепр отвели на два дня...»

Полк пополнить за Днепр отвели на два дня.
За неделю боёв нас осталось немного:
Кто убит, а кто ранен, но пуля меня
Миновала пока что ещё, слава богу.
Ближний тыл. И как будто война – не война.
Дрыхнешь вволю, от пуза солдатской баланды.
Ни стрельбы, ни бомбёжки тебе. Тишина.
«Всем построиться!» – вдруг получили команду.
Привели двух солдат, без ремней, без погон,
Белоснежным бинтом перевязаны руки.
«Самострел!» – по рядам прокатилось, как стон.
И сосед мой сквозь зубы: «Трусливые суки!»
Что же чувствовал я? Жалость, боль или страх?
Автоматные выстрелы воздух прошили.
Ничего – ни звезды, ни доски, ни креста —
Никогда не видать безымянной могиле.
И как только треск выстрелов страшных умолк,
Прозвучала привычно команда: «Направо!
Шагом марш!» И пошёл наш истерзанный полк
Вновь к Днепру, на знакомую нам переправу.

«В пески и в болота...»

В пески и в болота,
В окопы, в траншеи
Зарылась пехота
По самую шею.
Атаки, налёты,
Обстрелы, бомбёжки —
Воюет пехота,
Да худо с кормёжкой,
Нет водки во фляжке,
Махорки в кисете.
Пехоте-бедняжке
Как выжить на свете?
Нет продыха ночью,
А спать так охота!
Познал я воочию,
Что значит пехота,
На малом кусочке земли
На Днепре
В году 43-м,
В лихом октябре.

«Здесь ветер жгуч...»

Здесь ветер жгуч
и песок зыбуч.
Мы пришли сюда, чтобы немца бить.
«Ой, Днепро, Днепро,
ты широк, могуч».
Как же нам тебя переплыть?
Каждый плыл как мог,
сердце сжав в комок,
Под смертельным огнем врага.
Правый берег высок, правый берег далек
и дорога к нему долга.
Вот на берег крутой
отряд штурмовой
ступил за солдатом солдат,
и закипел рукопашный бой,
где боги штык и приклад.
Нам сказал комбат:
«Ходу нет назад.
Нас на том берегу не ждут.
И пока не придет пополнение в отряд,
будем насмерть стоять тут».
И за боем бой – где чужой, где свой?
Все смешалось в пылу борьбы.
Мой товарищ убит,
ну а я живой —

Никому не уйти от судьбы.

Здесь и ветер жгуч

и песок зыбуч.

Здесь друзья мои полегли.

«Ой, Днепро, Днепро,

ты широк, могуч!

Над тобой летят журавли».

«Понять хочу, каким был на войне...»

Понять хочу, каким был на войне?
Судьбе покорным? Храбрым? Трусоватым?
Я разным был, так думается мне.
Когда каким – обычным был солдатом.

Я по привык к бомбежкам и разрывам мин
И всякий раз не кланялся снарядам.
Испытывал я страх, когда в ночи один
И нет товарищей со мною рядом.

Страшна была мне смерть таких же, как и я,
Курсантов из Москвы, из Тулы и Рязани.
Они всегда со мной, их позабыть нельзя,
Простых ребят с усталыми глазами.

Медалью «За отвагу» награжден.
За что, и сам не знаю толком.
Я просто воевал, мерз, мокнул под дождем
И фронт считал своим гражданским долгом.

«Бьют минометы, грохочут пушки...»

Бьют минометы, грохочут пушки,
визг осколков, снарядов свист.
Знают, что ждет их, бойцы-побегушки:
связной и связист.

Связному бежать с поручением в роту.
Связисту с катушкой налаживать связь.
Лезть из окопа совсем неохота,
но хочешь – не хочешь – вылазь.

И закрутилась смертельная гонка:
то бегом, то шагом, то ползком.
Вот укрылся от мины в воронке —
и снова бегом.

Ад крошечный. За взрывом взрывы.
Повезло и на этот раз.
И связной и связист оба живы —
выполнили приказ.

«В бою был ранен молодой солдат...»

В бою был ранен молодой солдат.
К полуночи доставлен в медсанбат.
Хирург усталый – в шутку иль всерьез
Сказал солдату голосом помятым:

«Ты боли не терпи, кричи, ругайся матом.
Вас было много. Кончился наркоз».
Солдат годами забывал о призрачном наркозе.
Однако мат употреблял в житейской прозе.

2017

«Четыре койки в маленькой палате...»

Четыре койки в маленькой палате.

Нас трое в ней —

четвертая пуста.

Мы ничего не знали о солдате,

Что умер ночью, —

смерть была проста.

Не бредил он,

ни крика и ни стона

Мы не слышали —

сами живы чуть.

А утром

из команды похоронной

Пришли за ним

забрать в последний путь.

Пустует снова койка до заката

В который раз,

ну а потом опять

Очередного принесут солдата,

Чтоб на рассвете вновь его забрать.

Мы бой ведем с гангреной

в медсанбате,

Хоть выжить шанс

один лишь против ста...

Четыре койки в маленькой палате.
Нас трое в ней —
четвертая пуста.

«Стояли мы и молчали...»

В. Шаститко

Стояли мы и молчали,
Скорбно потупив взгляд.
Умер однополчанин,
Освобождавший Белград.
На свете нет горшего горя,
Когда умирает друг.
Снова Донской крематорий
На нас навалился вдруг.
Люди уходят, уходят,
А нам предстоит еще бой.
Прости и прощай, Володя,
Однополчанин мой.

1991

«Горжусь не тем, что воевал...»

Горжусь не тем, что воевал.
Не тем, что немцев убивал,
А тем, что был я рядовой
На самой на передовой.

И тем, что выполнить я смог
Перед Отечеством свой долг.
Горжусь и тем я наконец,
Что я не гордый, не гордец.

«У каждого своя война...»

У каждого своя война.
Войну я видел из окопа.
В атаке, где был ранен в ногу,
За что она награждена
Медалью славной «За отвагу»,
То есть за мужество в бою.
Закончил я войну свою,
Сказав себе: «Назад ни шагу».

«На свете нет лучше солдатской шинели...»

На свете нет лучше солдатской шинели:
Она и подстилка, она и покрывало,
Под голову сидор, винтовку под мышку, —
И спишь как с девчонкой в обнимку в постели.

Пропахшая порохом, пулей пробита,
Пропитана потом и дымом махорки —
Шинель – королева солдатского быта,
Царица пехоты, без оговорки.

В походе, в окопе, в бою, медсанбате,
Вернулся с войны – всё шинель при солдате.
А если солдата на фронте убили,
Шинелью его и укрыли в могиле.

2012

«На фронт широка дорога...»

На фронт широка дорога,
Узкая тропка назад.
С матерью у порога
Простился и – в военкомат.
Пересылка. Училище в Туле.
Курсант, а затем рядовой.
Родине присягнули
И – пехом к передовой.
Путь боевой был недолгим —
У пехоты короткий срок.
Пулей, а может осколком,
Мне навывлет пробило бок.
Медсанбат. Куликовка. Чернигов —
Лазареты. Госпиталя.
Весь в повязках, словно в веригах,
Я никчемен, как жалкая тля.
На соломе в телячьем вагоне
Лезет в голову всякая дрянь.
Остановки и перегоны,
Полустанки и город Брянск.
А потом настоящее чудо.
Только Бог сотворить его мог:
Белый – белый поезд оттуда
Покатил меня на восток.
За окном небо хмурое, серое.

Над полями кружит метель,
А в вагоне сестра милосердия
Оправляет мою постель.
Фронтовые мои сестрицы!
Вижу вас – прошибает слеза:
Руки нежные, добрые лица
И усталые ваши глаза.
Так в тепле, в неустанной заботе
Я проехал почти треть страны,
Забывая о маршевой роте,
О придирках ко мне старшины
И о том, как ходил в наступление,
За собою таща пулемет.
Только боль от сквозного ранения
О войне мне забыть не дает.
Мир тепла покидаю с грустью.
Там, снаружи, трещит мороз.
Меня в северное захолустье
Поезд с красным крестом привез.
На носилках выносят в сани.
Снизу сено, а сверху тулуп.
Мой возница с седыми усами
От мороза и сам полутруп.
«Эй, отец, это что за селенье?»
И на мой неучтивый вопрос
Он ответил в недоумении:
«Город Луза. Слышал небось?»
Ничего я не слышал о Лузе
И представить себе не мог,

Что в великом Советском Союзе
Существует такой городок.
Городишко, увы, непригляден,
Но какие же девушки в нем!
Своим ясным северным взглядом
Опалят, словно жарким огнем.
Ежедневно сестра синеокая,
Тормоша меня рано с утра,
Говорит, так приятно окая:
«Просыпайся, москвич, пора!»
Поправляюсь помалу. Давно ли
Было мне и привстать невмочь,
А теперь уже с местной дролей
Я роман завести не прочь.
Да и надо ж такому случиться!
После долгих мытарств и бед
Возвратиться в родную столицу
Выпал мне счастливый билет.
Опять госпиталь, только столичный,
По соседству мой старый Арбат.
Всё знакомо здесь и привычно,
Как всегда топтуны торчат.
Меня лечат снова и снова,
Наконец сообщают мне,
Что по чистой я комиссован.
Это значит конец войне!
Вновь иду я своим Арбатом,
И сам черт мне теперь не брат!
Уходил я на фронт солдатом

И солдатом вернулся назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.